

3. Кочнев Р. Л., Цветухина Е. А. Цена анонимности: бытие денег или бытие без денег? // Ом. науч. вестн. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 55–58.

4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.

5. Коняев А. Е. Бумажное лицо империи. «Царские» денежные знаки на переломе российской истории начала XX века : книга научных очерков. Ярославль : Ремдер, 2007. 68 с.

6. Каталог бон и дензнаков России, РСФСР, СССР, украин и образований (1769–1927) / под ред. Ф. Г. Чучина. М. : Сов. филателист. ассоциация при Комиссии ВЦИК фонда им. В. И. Ленина помощи беспризорным детям, 1927. 171 с.

7. Николина О. И. Феномен любви в бытии человека: онтологический аспект : дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2015. 427 с.

8. Лиотар Ж.-Ф. Либицинальная экономика / пер. с фр. В. Е. Лапицкого ; науч. ред. пер. С. Л. Фокин. М. ; СПб. : Изд-во Ин-та Гайдара ; фак. свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с. (Новое экономическое мышление).

9. Гидлевский А. В., Максименко Л. А. Альтруизм и эгоизм как базовые детерминанты бытия человека // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-3. С. 649–653.

10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.

11. Барт Р. Основы семиологии // Барт Р. Нулевая степень письма : пер. с фр. М. : Акад. проект, 2008. 431 с.

© Пастухова Е. В., 2020

УДК 101.1

Науч. спец.: 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-26-30

НАПРАВЛЕННОСТЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье анализируется современное понимание культурно-исторического развития. Отмечается готовность человеческого сознания к концептуально новому объяснению мира в целом, отраженному в методологии естественных и социогуманитарных наук и философии. Понимание культурно-исторического развития как разнонаправленного, неструктурированного, неконтролируемого, неуправляемого, неоднородного процесса соответствует современной постнеклассической научной рациональности. Отрицается возможность сравнения культур как развитых и неразвитых, отстающих и догоняющих. Каждая культура рассматривается как самодостаточная, самореферентная, автопоэтическая система с собственным хронотопом и семантикой существования. В качестве характеристик культурно-исторического развития указываются ненаправленность и непредсказуемость перемен, отсутствие надежд на окончание вынужденных перемен и возвращение общества к состоянию покоя, исчезновение иллюзий о достижении совершенного общественного устройства, перманентность состояния растерянности, неопределенности и непреодолимость мультикультуральности.

Ключевые слова: культурно-историческое развитие, устойчивость, изменчивость.

ORIENTATION OF CULTURAL AND HISTORICAL DEVELOPMENT

The article analyses the modern understanding of cultural and historical development. The author indicates readiness of the human consciousness for a conceptually new explanation of the world as a whole, reflected in the methodology of natural and socio-humanitarian sciences and philosophy. Understanding of cultural and historical development as a multidirectional, unstructured, uncontrolled, unruly, heterogeneous process corresponds to the modern post-nonclassical scientific rationality. It denies the possibility of comparing of cultures as developed and undeveloped, lagging behind and catching up. Each culture is considered as a self-sufficient, self-referential, autopoietic system with its own chronotope and semantics of existence. The characteristics of cultural and historical development are non-orientation and unpredictability of changes, lack of hope for the end of forced changes and the return of society to a state of rest, the disappearance of illusions about achieving a perfect social order, the permanent state of confusion, uncertainty and the irresistibility of multiculturalism.

Keywords: cultural and historical development, stability, variability.

Категория развития является общенаучной и определяется философией как процесс направленного, необратимого, качественного изменения, движения. Уже классическая онтология признает за движением такие свойства, как всеохватность, постоянство, обусловленность внутренней природой движущегося объекта, абсолютность. В сообществах, где тысячелетиями не менялся уклад жизни, изменения,

конечно же, происходили постоянно: рождались и умирали люди, видоизменялись орудия трудовой деятельности, уменьшалось и увеличивалось поголовье скота и т. д. Однако эти изменения носили количественный характер, не приводя к изменению антропологического типа человека и качественному переустройству общества. Лишь общество модерна обнаруживает тенденцию ускорения развития,

приводящего к существенным отличиям жизнедеятельности людей с каждым новым поколением.

Сегодня в обществе эпохи постмодерна увеличение темпов культурно-исторического развития неизбежно приводит к неоднократным кардинальным изменениям в течение жизни одного человека. Изменилось само понимание времени. Для традиционного общества, обусловливаемого аграрным типом производства, характерно циклическое восприятие времени, что отразилось на представлении об общественном идеале (золотой век отнесен в прошлое) и общественном целеполагании — сохранении порядка жизнедеятельности предков. В значительной степени такая картина мира сохранилась в восточном типе культуры. Европейская культура, вступив в эпоху промышленного производства, ориентируется на линейно-векторное понимание времени. Общественный идеал постепенно связывается с понятием роста, прежде всего экономического, в связи с чем укрепляется представление о социальном прогрессе, ожидается светлое будущее и конструируются проекты его достижения: свободный рынок, демократический режим государственного управления, правовое государство, гражданское общество и т. д. По сути человечество создает модели общественного устройства высокой степени устойчивости, реализация которых в общественно-исторической практике требует все более интенсивного развития. Современное понимание времени выражается понятиями фрагментарности, неоднородности, разнонаправленности, что создает непреодолимые трудности в понимании развития мирового человечества.

Когда речь заходит об особенностях развития социокультурной реальности, встают непреходяще актуальные вопросы о детерминантах, закономерностях, структурированности и направленности истории. Отдельный аспект исторического и социально-философского исследования — выявление условий сохранения социума в ходе претерпеваемых им (возможно, кризисных и катастрофических) изменений, а значит, о параметрах социальной устойчивости. Понятие «культура» в проблеме социокультурного развития указывает на неприродную сущность социальной системы. Культура — это то, что создается людьми и обладает ценностно-символической уникальностью в рамках определенного сообщества. Это значит, что поиск единого «общечеловеческого» (на основании только «биологической» природы *Homo sapiens*) содержания социокультурного развития будет сопряжено с процедурами предельного абстрагирования, а полученный интеллектуальный результат не найдет аналогов в мире реальных социокультурных сообществ, кардинально разнящихся способами организации, ценностными ориентирами, возрастом и охватом ареала.

Исследования социокультурной реальности подчинены общим закономерностям развития научного знания и входят сейчас в концептуально новую научную картину мира, характеризующуюся так называемой постнеклассической рациональностью. Для постнеклассической науки характерен проблемно-ориентированный, междисциплинарный характер исследований. Комплексные исследовательские программы позволяют преодолевать изолированность научных дисциплин, привлекать специалистов различных областей научного знания для рассмотрения целостной научной

проблемы. В результате происходит взаимодействие идей, принципов, методов различных научных дисциплин. Так, на деятельность ученых социального и антропологического профиля с последней трети XX в. **значительное влияние** оказывают идеи синергетики, возникшие в ходе физических прикладных исследований диссипативных структур в жидкостях, химических волн, лазерных пучков, неустойчивости плазмы.

Общественные исследования, некогда не соответствовавшие парадигмальному образцу научной «точности» физико-математических дисциплин, приобрели в XX в. **безоговорочный статус наук** в контексте обнаружения естествознанием объектов, подобных объектам социогуманитарного знания своей нелинейной природой, статистически-вероятностно описываемым развитием, сопряженностью с субъективно-исследовательскими факторами.

Постнеклассическая наука с эффективно применяемым ею междисциплинарным подходом вышла на уровень исследования объектов иной физической природы — открытых, самоорганизующихся, саморазвивающихся систем. Самоорганизация понимается как свойство систем высокой сложности принимать наилучшее состояние, реагируя таким образом на раздражители внешней среды. Такие системы, оказываясь в любых условиях, автоматически восстанавливают равновесие. Гомеостаз и ультраустойчивость самоорганизующихся систем показаны в работах У. Р. Эшби, где описываются адаптивные механизмы животных в их «самообучении» и выработка, например, условных рефлексов [1]. Так была объяснена возможность сохранения сложных динамических систем в процессе переживаемых ими изменений за счет выбора ими вариантов состояний из широкого спектра поведенческих проявлений. Анализ культурных традиций позволяет обнаружить кристаллизацию поведенческих норм, единственно приемлемых в тех или иных ситуациях, в известной степени облегчающих выбор действий человека, например, в сложных, лично и общественно значимых обстоятельствах. В основе успешной организации социальных систем, прогресса культуры лежит, к примеру, сложное взаимодействие между эгоизмом и альтруизмом [2]. Однако культурное разнообразие этих паттернов демонстрирует невероятную эмоционально-поведенческую гибкость человека. Так, история знает варианты восприятия погребального ритуала как разрушительной трагедии и праздника, традицию заключения супружеского союза исключительно по любви или по рациональному расчету, убийства ослабевших (заболевших, состарившихся) родственников или внутриобщинную ответственность за любовь и заботу о них.

В отличие от тех физических объектов, существование которых обеспечивается простотой их целостного устройства, устойчивость человеческих групп тесно связана со сложностью их организации: чем сложнее социальная система, тем легче она амортизирует издержки изменчивости, обеспечивая собственное постоянство. Важную роль здесь играют получение, переработка и использование поступающей извне информации (понимаемой как способ упорядочения спонтанных сигналов), становящиеся сутью жизнедеятельности самоорганизующегося объекта.

В то время как естественные науки обнаруживают объекты, не подлежащие управлению человеком, неподконтрольные инженеру-конструктору, исследователи исторических процессов создают дискурс «текущего модерна» — понятия, введенного социологом З. Бауманом взамен постмодерна, зачастую воспринимаемого в отрицательной коннотации [3]. В описании «текущего модерна» используются такие характеристики, как:

- 1) ненаправленность и непредсказуемость перемен;
- 2) отсутствие надежд на окончание вынужденных перемен и возвращение общества к состоянию покоя;
- 3) исчезновение иллюзий о достижении совершенного общественного устройства;
- 4) перманентность состояния растерянности, неопределенности.

Раскрытие указанных характеристик обращает наше внимание на то, что еще в XIX в. не существовало теоретической проблемы непрерывного экономического роста, а происходящие в обществе изменения представлялись временной мерой для преодоления затруднений, связанных с обеспечением общественных потребностей. Казалось возможным подсчитать нужды людей и наладить в соответствии с ними стабильное производство, рутинно воспроизводящее нужное количество продукта. В XX в. возникло осознание того, что нужды людей — это не константа, а рыночная экономика не столько удовлетворяет существующие потребности человека, сколько формирует новые. Достижение полного благоденствия, довольства и счастья в историческом процессе невозможно, а значит, отпадает необходимость вообще моделировать идеалы общественной организации или обольщаться имеющимися теоретическими конструктами. Тем более что корпус либеральных ценностей вкуче с демократическо-правовым государственным устройством, достижениями научно-технического прогресса и даже спасительной миссией религии и искусства достаточно разочаровывал человечество в век мировых войн, экономических катаклизмов, техногенных и природных катастроф.

Неопределенности нашей эпохи добавляет отказ от допущения достижимой однородности человечества. Множество концепций культурно-исторического развития допускали выстраивание народов планеты в некоторый ряд на основании общих критериев сравнения. Резонно предполагалось, что носители «отсталых» культур в силу собственной заинтересованности и объективных исторических закономерностей стремятся достичь положения развитых народов. Начавшаяся в эпоху модерна миграция не ставила вопросов о выработке средств сожительства представителей разных культур. Малые (неразвитые, малозначимые) культуры априори, в порядке самоорганизации должны были ассимилироваться в культуре большой (развитой, значимой). Распространение и утверждение признаков западного прогресса на территории различных регионов планеты представлялось достойным делом, способным оправдать различные виды экспансии в другие страны, использование их трудовых и природных ресурсов, захват там политической власти. Однако разрушение колониальной системы, распад многонациональных государств, ориентализация

Запада и вестернизация Востока показали недостаточный для развития западной культуры, сохранения и укрепления ее ценностей потенциал научно-технического прогресса, рыночных механизмов и институтов правового государства. Кроме того, обнаружилась непригодность способов организации европейской цивилизации для других цивилизационных систем. Бывшие колонии в считанные месяцы теряли культурно-европейское обличье, приводя в негодность налаженную европейцами инфраструктуру, возвращаясь к «доисторическому» укладу жизни, но теперь уже с опытом ущемленного национального самосознания (геноцида, апартеида) и элементами европейского технического прогресса (например, огнестрельным оружием, применяемым в межплеменных, межобщинных конфликтах). Республики бывшего СССР и государства, образовавшиеся на территориях Югославии, Чехословакии, откатились к примитивным формам ведения национального хозяйства, утратив былой промышленный потенциал развития. Неудачен оказался советский опыт приобщения народов российского Крайнего Севера к достижениям цивилизации, дающим, казалось бы, всеми искомым комфорт жизнедеятельности, но разрушающий привычный данным народам образ жизни и культурную идентичность. В научном дискурсе выделяются многообразные причины и варианты упадка, отката назад в развитии общественных систем [4, с. 57].

Эти исторические примеры иллюстрируют философскую истину о неспособности содержания принимать чуждую форму или непроецируемости стандартов одной культуры на условия существования других культур. Человек и социальные системы обладают свободой самодетерминации. Не может быть не только единых предписаний к оздоровлению социально-экономической и политико-правовой жизни народов, но и единых представлений о «здоровье» нации в многообразии форм ее жизни. Постнеклассическая рациональность отрицает полное определение объектов внешними воздействиями. Естественная наука по отношению к рассматриваемым явлениям исторического развития, например, говорит о неприменимости к системам морфостатического типа (гасящим отклонения и внешние сигналы с целью своего сохранения) норм морфогенетических объектов (положительной связью усиливающих отклонения, включая их в «сценарий» своего существования, усложняясь за их счет и выживая таким образом). Н. Луман, распространяя эту закономерность на сферы социального управления, говорит о противоречии между эволюцией общества и идеей всеобщего равенства. Причину это противоречия немецкий социолог видит в, казалось бы, незначительных исходных различиях людей в воспитании или физических возможностях и усилении данных различий в социальных подсистемах, что еще более усугубляет социальную дифференциацию [5].

Понятие самодетерминации обществ направляет нас к уже доказавшим свою эвристичность общенаучным понятиям автопоэзиса и самореферентности. Термин «автопоэзис», буквально переводимый с древнегреческого как «самосотворение», был введен У. Матурана для обозначения принципа организации объектов, производящих самих себя [6]. Графическим символом этой идеи можно

назвать литографию М. К. Эшера, изображающую рисующие друг друга правую и левую руки, относимые нидерландским художником одновременно и к художественной, и к актуальной реальности. В процессе самопроизводства автопоэтические системы сохраняют собственную аутентичность независимо от внешней среды. Любопытным примером служат национальные диаспоры, воспроизводящиеся, например, в США, Франции, Германии, но не включенные в исконную языковую среду места рождения и существования. Самореферентность состоит в сопоставлении субъектом внешних элементов с внутренними аналогиями, в субъективации окружающего мира и в произвольном его осмыслении.

Самореферентность указывает на семантическую изолированность системы, самостоятельно наделяющей наблюдаемые явления смыслами. Забавным примером семантических процедур может служить поведение героя в «Очарованном страннике» Н. С. Лескова, который смог выбраться из многолетнего татарского плена (и даже крестить неверных), демонстрируя кочевникам разрушительную силу христианского бога с помощью случайно полученных фейерверков. Этнографические материалы богаты сведениями о разной трактовке разными народами одних и тех же явлений природы и разных, но эффективных практик адаптации к этим явлениям. Здесь жизнеспособность операционально замкнутой целостности обеспечивается согласованностью действий ее внутренних подсистем. Внешний мир выступает источником возможных поведенческих сценариев (например, игнорировать, подчинять воспринимаемые силы или покоряться им), выбор которых определяется организационным принципом системы, перерабатывающей и оценивающей внешние импульсы. Эта внутренняя работа протекает непредсказуемо, соответственно, нельзя спрогнозировать даже реакцию самореферентного объекта на одни и те же стимулы. Это, строго говоря, и не реакции: собственное поведение самостоятельного объекта изменяется посредством естественного дрейфа — постоянного синтеза и генерирования поведенческих «сценариев» в флуктуирующей среде. Операционально замкнутыми являются не только социум или духовная сфера его жизнедеятельности, но и нервная система отдельного индивида. Оценивая перспективы управляемости человека или социальной системы, в контексте кибернетической теории странно выглядит ожидание поведения социальных субъектов, наделенных свободой воли и внутренней культурой созидания смыслов, по типу «сигнал — действие» или «вход — выход». С. Бир, анализируя такие управленческие парадоксы, говорит об «алгоритме» и «эвристике»: «Удивительно то, что мы склонны жить каждодневно эвристически, а проверять и управлять своими действиями — алгоритмически» [7, с. 59].

С рассмотрением исторических реалий прошлого столетия вновь актуализируется мысль о невозможности создания оптимальной модели социальной системы. Невозможна социальная устойчивость вообще, а есть некоторые модусы социальной устойчивости, в некоторой мере обеспечивающие сохранение определенной культурной общности в определенных параметрах, в определенных исторических

реалиях. Так, получившая распространение в XIX в. половица «что русскому хорошо, то немцу смерть», может быть перефразирована в «что русскому хорошо в XIX в., то плохо русскому в XX в.» и в прочие модификации, предусматривающие, например, географические условия проживания, уровень образования, специфику воспитания, род профессиональной деятельности, вероисповедание (или его отсутствие) и уникальность индивидуальной мировоззренческой позиции. Фактически встает задача поиска динамической устойчивости в условиях хаотического развития.

Отдельный аспект осмысления феномена культурно-исторического развития — пределы социально-экономического роста, которые со всей очевидностью узрело нынешнее человечество. Математические подсчеты объемов потребления западной цивилизации ужасают современное человечество, демонстрируя цифры о количестве лет, за которые полностью исчерпаются природно-планетарные возможности, если все страны достигнут уровня потребления США, или о пяти планетах, которые в этом случае потребуются нынешнему количеству людей. Финансовые кризисы, переживаемые нами на протяжении вот уже второго десятилетия XXI в., связаны с принципиальной погрешностью мышления современного западного человека (а в условиях глобализованного экономического пространства — дефектом всей экономической миросистемы), настроенного на бесконечный экономический рост, необоснованно ожидающего непрерывного увеличения благосостояния, денежной массы, цен.

Надо отметить, что уже в философии Просвещения встречаются идеи непреодолимых различий между народами [8] и отсутствия единого откровения, универсальной истины [9]. Известный немецкий поэт Г. Э. Лессинг рассматривал неустранимость культурных отличий народов как радостную перспективу и необходимое условие культурно-исторического развития, творческих озарений, возможных только при встрече разных способов жизни.

Говоря о столкновении разных культур и миграции, угрожающих с XVIII в. основам традиционного единства государства, нации и территории, нельзя не отметить изменения в историческом характере переселения народов. Экономический и связанный с ним технический прогресс вкупе со строительством нового общественного порядка создал в Европе Нового времени своеобразный пласт «лишних людей», вынужденных покинуть свою среду обитания, направившись в «неосвоенные» территории, которыми изобиловали другие части света. Это прежде всего обе Америки, Австралия, Новая Зеландия, Африка. По-прежнему перенаселенная Европа сегодня не может выселить не вписавшиеся в социокультурную систему народы за свои пределы по причине отсутствия на планете «ничьих» территорий. Остро встает вопрос о выработке форм сосуществования народов, имеющих различные культурные картины мира и подчас противоположные жизненные ориентиры. Если ранее миграционные потоки были направлены из развитой Европы, транслировавшей миру свой образ жизни, в слаборазвитые страны, то теперь они повернули в обратном направлении, и «Европа из поставщика иммигрантов за океан превратилась в их реципиента» [10, с. 77].

Своеобразным маркером человеческого мироощущения могут служить слова З. Баумана о том, что «единственным постоянным аспектом... нашей действительности является непостоянство, а единственное, в чем мы уверены — это наша неуверенность» [3, с. 13]. По мнению британского социолога, все исторически значимые, преимущественно ужасающие нас, события, изменившие мир в XX в., не были предвидены и в принципе могут повториться в состоянии современного социального хаоса [11]. Угроза социальной стабильности, предсказуемой и понятной устойчивости связана со сложностью адаптации людей к ускоряющимся темпам социальных изменений, разнонаправленностью и многопорядковостью этих изменений, затрагивающих «запертые» в «глобальной деревне» миллиарды людей, принадлежащие к различным религиям, нациям, народам, носящим разные языковые картины мира.

Обнаружив в мире неизведанные феномены, человечество в рамках современной научной парадигмы признает господство случайности в природных и социальных процессах, подчеркивает плюралистический характер развития изучаемых феноменов и необходимость методологического разнообразия в их изучении. Известные современные физики С. Хокинг и Л. Млодинов в своей совместной работе приходят в связи с этим к такому умозаключению: «Чтобы представить Вселенную, может потребоваться ряд перекрывающихся теорий, подобно тому, как для показа всей Земли без искажений требуется набор перекрывающихся карт» [12, с. 14]. Что уж говорить об актуальности мультипарадигмального подхода в исследовании феномена исторического развития.

С позиции современного понимания социальных процессов и культурно-исторического развития былое, механистически-детерминированное, линейное понимание общественных реалий представляется морально неприемлемым. И. Кант еще в XIX в. замечал, что однородное человечество, движущееся единым строем в соответствии с единими рациональными законами, не нуждается в моральном выборе личности или народа. Радикальное переосмысление мировой и человеческой истории обнаруживается в целом в культуре постмодерна. Начавшись с констатации разрушения всех устойчивых оснований (смерти Бога и автора, конца истории), постмодернизм объявляет об

отсутствии структуры и децентрализованности мира, ризоматичности (нелинейности, случайности) его развития, полисемантической событий, призывает к стиранию всяких границ, как искусственных. Значит, в поисках социальной устойчивости и оптимальных форм культурно-исторического развития нам приходится отказаться от классического понимания границы и меры как формообразующих оснований социальной устойчивости. Теперь эта устойчивость возможна в свободном, естественном изменении постоянства.

1. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М. : Иностр. лит., 1959. 432 с.

2. Гидлевский А. В., Максименко Л. А. Альтруизм и эгоизм как базовые детерминанты бытия человека // Философские науки. 2014. № 6. С. 649–653.

3. Бауман З. Образ изменчивого мира // Высшее образование сегодня. 2011. № 7. С. 9–16.

4. Штырбул А. А. К проблеме нелинейности в мировом историческом процессе // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 56–61.

5. Луман Н. Мировое время и история систем // Логос. 2004. № 5. С. 131–168.

6. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 223 с.

7. Бир С. Мозг фирмы. М. : Радио и связь, 1993. 416 с.

8. Lessing G. E. Ernst und Falk. Mit den Fortsetzungen Johann Gottfried Herders und Friedrich Schlegels. Frankfurt : Insel, 1968. 90 s.

9. Лессинг Г. Э. Натан Мудрый // Электронная библиотека МСА. URL: <http://librams.ru/author-30420.html> (дата обращения: 10.12.2019).

10. Гаджиев К. С. Новая «Великая трансформация»? // Вопр. философии. 2017. № 7. С. 75–86.

11. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. 390 с.

12. Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел. СПб. : Амфора, 2012. 208 с.

© Руди А. Ш., 2020